

ЧЕТВЕРТАЯ

IV МИРОВАЯ

МИХАИЛ

ХОДАРЕНОК

ЩИТ

И МЕЧ

НАШЕЙ
РОДИНЫ

Михаил Михайлович Ходаренок

Щит и Меч нашей Родины

Серия «Четвертая мировая»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19377155

Щит и Меч нашей Родины / Михаил Ходаренок: Алгоритм; Москва;

2016

ISBN 978-5-906861-12-2

Аннотация

Наша страна стоит на пороге великих, кровавых перемен, теперь это понимают все. Война на Украине, санкции Запада, предчувствие беды... Всё обрушилось на Россию неожиданно. Хотя многие предупреждали: слабость экономики, разрушение военно-промышленного комплекса, недостаточная боевая и оперативная подготовка, слабая военная наука и зависимость от Запада неизбежно приведут к большой крови. Но их не слушали, как всегда...

Сегодня поздно кусать локти и колени – надо собирать оставшиеся силы для обороны. Но готов ли к этому российский ВПК? Как сильно разрушили его за годы так называемых «либеральных реформ»? Что надо сделать для того, чтобы Щит и Меч Родины по-прежнему блистали и сдерживали наших врагов?

На эти вопросы отвечает компетентный и независимый специалист – главный редактор газеты «Военно-промышленный

курьер» и журнала «Воздушно-космическая оборона», полковник
Михаил Ходаренок.

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
О системных проблемах нашего военного строительства	7
Бесполезные критерии	15
Все ли получится с постоянной боевой готовностью?	22
Все в погонах и значках	26
Военно-терминологические игры	28
Генеральское мужество	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Ходаренок

Щит и Меч нашей Родины

© М.М. Ходаренок, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Введение

Вооруженным силам СССР и современной России посвящено значительное количество исследовательской, научно-популярной литературы и публицистических статей. В то же время следует отметить, что в открытой военной литературе сравнительно мало трудов специалистов, знающих вопросы военной стратегии, оперативного искусства, строительства Вооруженных сил на основе своего личного опыта. До некоторой степени этот недостаток восполняет сборник статей Михаила Ходаренка. Автор длительное время служил в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации и лично занимался вопросами стратегического планирования применения армии и флота. Его мнение может оказаться полезным для военно-теоретической подготовки офицерского состава, а предлагаемый вниманию читателей труд дать самые общие представления о военной стратегии, способах ведения современной войны, особенностях подготовки страны и Вооруженных сил к войне, направлениях в строительстве Вооруженных сил, исследованиях некоторых исторических событий. Всеми этими соображениями и руководствовался автор при написании данного цикла статей. Автор с большим вниманием отнесется к тем пожеланиям, которые могут возникнуть при чтении настоящего издания.

Глава 1

Стратегия

О системных проблемах нашего военного строительства

Без их кардинального разрешения невозможно эффективно двигаться вперед.

Если строить дом без строгого соблюдения строительных норм и правил, он непременно рухнет. Например, можно начать сооружение с пятого этажа вместо первого. Не заложить фундамент. Построить дом на слабых грунтах и плавунках. Вместо высококачественного цемента применить песок. Можно не сомневаться – здание обязательно завалится. Военное строительство в нашей стране за последние четверть века отчасти напоминает эти процедуры. Кухня размещается в ванной, спальня – на крыше, а туалет выносится на балкон, причем последний делается без соответствующих ограждений, а отхожее место – в сокращенном или скадрованном составе, в виде одного унитаза. Потом после грохота от завала только что построенного здания и оседания туч пыли строители-неудачники удивляются: как, почему так вышло, что случилось?

И в самом деле, в чем причина? Почему так получается, что сначала влево, потом вправо, затем назад и в конце концов вперед, но в результате, в сухом остатке ноль или величина, весьма близкая к нему?

В ходе разного рода мероприятий, проводимых в Вооруженных Силах, можно менять длину и форму аксельбантов, фасон головных уборов и шитье на фуражках, цвет приборного сукна, вводить и отменять воротники, удлинять до полутора метров уши на шапках-ушанках и вновь укорачивать их до 15 сантиметров, но если не затрагивать основ, на которых, собственно говоря, и держится здание российских Вооруженных Сил, то результат всегда будет примерно одинаков. Поэтому и есть смысл остановиться на некоторых основополагающих проблемах, без конструктивного разрешения которых у нас вряд ли получится что-либо дельное в сфере военного строительства.

Первое.

Вряд ли для кого будет тайной мадридского двора (так в нашей стране сложилось исторически), что область строительства армии и флота является вотчиной сугубо двух лиц – Верховного главнокомандующего и отчасти министра обороны. Исключительно от их знаний, воли и глубины понимания вопроса зависят те или иные судьбоносные решения. В ряде случаев эта система давала отличные результаты (Петр Великий, Сталин), порой – весьма хорошие (Леонид Брежнев), но зачастую дело заканчивалось явными провалами

(Михаил Горбачев, Борис Ельцин).

Ярко выраженным недостатком этой системы является отсутствие каких-либо прозрачных процедур и механизмов принятия решений по ключевым вопросам военного строительства. Кроме того, не существует никакого аварийного автомата защиты от волюнтаристических (и просто дурацких, что называется, из ряда вон) решений. И сегодня в Вооруженных Силах, к примеру, напрочь отсутствует какой-либо способ защиты от своеволия и фантазий первого лица военного ведомства. К примеру, выпрыгнул, как черт из коробочки, Анатолий Сердюков, наворотил дел, что у экспертного сообщества волосы и поныне дыбом стоят, – и пропал со сцены. Уже давно нет самого непопулярного в новой (да и старой) российской истории министра обороны, а завалы, оставшиеся после него, разгребать придется еще не одно десятилетие. И нет никакой ответственности за содеянное. И непонятно, кто оплатит издержки его начальственного пыла и административного восторга в проведении разрушительных для обороноспособности государства затей.

Самое главное – нет никаких гарантий, что через некоторое время не произойдет реинкарнация очередного мебельных дел мастера вместе с его женским батальоном и на сцене не появится Сердюков-2 и не начнет чудесить еще круче предыдущего. Скажем, заявит: не хочу ни военных округов, ни оперативных командований, ни дивизий, ни корпусов, ни бригад, а хочу полки левой и правой руки. И чтобы

воеводы ими командовали. И вообще, особо подчеркнет очередной глава военного ведомства, все, что до меня делалось, неправильно. И ведь придется, засучив рукава, выполнять. А через пару лет появится новый министр и прикажет: не хочу атомных ракетных крейсеров и авианосцев, хочу тяжелую стратегическую конницу и чтобы непременно вся в латах была! И куда денешься, придется и это воплощать в жизнь. Ведомственная военная наука сразу же и с высоким качеством обоснует целесообразность очередного «нового мышления».

Поэтому все-таки должны быть отлаженный механизм и точно установленные процедуры. Должна быть всем понятная цепочка: зарождение идеи – экспертная проработка – принятие решения – проведение в жизнь. Должно быть четко установлено: что лично глава военного ведомства может, что нет. Такого типа решение он проводит в жизнь без согласования с первыми лицами государства и законодательной властью, а вот другое – только после рассмотрения на экспертном уровне и утверждения президентом и Федеральным собранием.

Иными словами, речь идет о гражданском контроле над Вооруженными Силами. Эта тема вообще мало обсуждается как в СМИ, так и на экспертном уровне. Вполне возможно, что для гражданского контроля в нашем государстве еще не пришло время по причине отсутствия в стране гражданского общества (да и граждан как таковых – будем смотреть правде в лицо). Но проблема-то от этого никуда не делась, не рассо-

салась сама по себе.

В частности, в тех же Соединенных Штатах, которые никогда не знали таких загогулин с военным строительством, как у нас, любой доктринальный документ в этой сфере начинается со слов: «Вооруженные силы США находятся под гражданским контролем».

Остается дожидаться появления граждан и в нашей стране. Вполне возможно, что этот процесс займет еще не одно десятилетие.

Второе.

Необходимо радикальным образом изменить систему выдвижения офицеров и генералов на вышестоящие должности, чем подорвать сложившуюся за последние десятилетия в Вооруженных Силах селекцию командного состава на вышестоящие должности большей частью по отрицательным или кланово-семейным признакам. В армии и на флоте должны быть созданы реальные возможности добиваться вышестоящих постов умом и талантом, на соответствующей конкурсной основе. Иными словами, надо создать, как и в армиях других стран, систему подбора и выдвижения кадров на вышестоящие должности. Пока такой системы нет. Поэтому кадровая катастрофа с началом военных действий практически неминуема.

Третье.

Исключительным правом на получение воинских званий и ношение военной формы одежды должен обладать только

личный состав Вооруженных Сил. Персонал других силовых и тем более гражданских структур (например члены Федерального собрания) такого права иметь не должны.

Однако ситуация на сегодня такова, что никакими силами ни полицию, ни ФСБ, ни пограничников и ФСИН не удастся убедить отказаться от системы воинских званий и распогонить. Скорее общими усилиями силовых ведомств инициатор этой идеи будет задвинут далеко-далеко за Можай. Пока же разобратся на улице чисто визуально, кто же это идет с погонами полковника – командир полка или же начальник ближайшей исправительно-трудовой колонии, работник прокуратуры, представитель СК РФ, невозможно.

Поэтому реальный выход для российских Вооруженных Сил только один – перейти к собственной системе воинских званий и различий. Оставить полиции, ФСБ, ФСИН, прокуратуре, СК все, как есть. А для ВС создать новую систему воинских званий и знаков отличия. Какую именно – вопрос для дальнейшего обсуждения.

Четвертое.

В отечественных Вооруженных Силах так и не появился корпус младших командиров (сержанты/унтер-офицеры как отдельный институт с особой системой образования, управления и прохождения службы). Определенные нескоординированные и разнонаправленные попытки создать что-либо подобное имели место быть, но вот Института (именно Института) так и не появилось. Не возникло даже системы со-

ответствующих званий. У нас так и остался минимальный набор званий для младших командиров (младший сержант, сержант, старший сержант). А на деле необходимо не менее десяти градаций званий унтер-офицерского (сержантского) состава.

Можно в принципе вообще отказаться от нынешних сержантских званий (оставив их полиции и другим силовым структурам) и перейти к унтер-офицерам. Градация могла бы быть приблизительно такой же, как и в русской императорской (германской) армии – унтер-офицер, унтер-фельдфебель, фельдфебель, обер-фельдфебель, штабс-фельдфебель с добавлением каких-либо промежуточных ступеней, чтобы довести таким образом (с помощью, в частности, 1, 2, 3-го классов) общее число званий до десяти. Разработать и утвердить для них новые знаки отличия. Есть, видимо, необходимость плавно отказаться от прапорщиков в Вооруженных Силах, оставив их другим силовикам. Без всякого ущерба переаттестовать армейских прапорщиков в обер-фельдфебелей, скажем, 1 и 2-го классов.

Пятое.

Министерству обороны нужно обязательно иметь независимые аналитические центры. Военное ведомство должно создать и само финансировать подобные центры. Но при этом важно обеспечить их независимость от военных структур. Только в таком случае можно будет получить и анализ, и непредвзятые рекомендации, лишённые ведомствен-

ных пристрастий.

Шестое.

Главная ответственность за состояние военной промышленности должна быть возложена на Министерство обороны, а не на другие правительственные структуры.

Седьмое.

Функции как административного, так и оперативного управления должны быть безраздельно сосредоточены в руках гражданского министра обороны.

Можно отмахиваться от перечисленных проблем. Делать вид, что они не существуют. Но проблемы от этого никуда не исчезнут. Можно отложить их решение на пять-десять-пятнадцать лет, но делать это рано или поздно придется. Разумеется, уже по другому прецеденту. А пока есть смысл развернуть по этим «февральским тезисам» самую широкую дискуссию.

Бесполезные критерии

Дискуссии о том, какие Вооруженные Силы нужны России сегодня, а также в ближайшей и среднесрочной перспективе, в последнее время как-то сами по себе стихли. Вполне возможно, потому, что выявили полное отсутствие профессиональных знаний у многих участников обсуждения. Немалую роль сыграло и то, что все общепринятые критерии при оценке потенциала военной машины, необходимого для обороны страны, как правило, заводили спорщиков в тупик, из которого им не удавалось выбраться.

Какие же подходы следует применять при определении численного и боевого состава Вооруженных Сил? Есть мнение, что в первую очередь надо исходить из того, какие задачи им придется решать и с каким противником, возможно, сражаться. И только на этой основе осуществлять все военное строительство. С одной стороны, вроде бы налицо бесспорная истина. Но с другой – не так уж все и однозначно. На обозримую историческую перспективу должно быть совершенно очевидно, кто нам друг и кто – враг. А тут как раз полная неопределенность. Более того, число врагов растет каждый день. К традиционным неприятелям добавляются те, кто еще вчера был чуть ли не союзником.

Отечественный Военно-морской флот, например, на протяжении десятилетий жил с мыслью о предстоящем проти-

воборстве с ВМС США на океанских просторах и непременно в ходе ракетно-ядерной войны. Неудивительно, что в головах наших адмиралов и поныне играет антиамериканский орган: «Даешь Норфолк! Даешь Сан-Диего!». Однако геополитический расклад давно и кардинально изменился. ВМФ, на создание которого были затрачены огромные средства, теперь надо отстраивать практически заново, переориентировав на решение других задач. Но каких именно? С кем вступить в бой и где?

И это только один пример. В действительности таких примеров куда больше. Ведь наши Вооруженные Силы многие-многие годы фактически готовились к третьей по счету мировой войне. Однако потом выяснилось, что она не состоится, и те, с кем не сегодня завтра собирались сойтись в смертельной схватке, вдруг в одночасье перешли в разряд партнеров. В результате – полная мешанина в головах профессиональных защитников Родины: от кого ее защищать, если по всему периметру границ и в дальнем зарубежье – сплошь доброжелатели? А технику, предназначенную для глобальных битв, куда девать? В частности, никак не удастся применить в конфликте ограниченного масштаба бомбардировщик Ту-95МС, истребитель МиГ-31, некоторые типы подводных лодок.

В недавнем прошлом звучали просьбы (и порой даже требования) все-таки обозначить в Военной доктрине (или в Концепции национальной безопасности) противников и со-

юзников. Мол, перечислите нам супостатов, а затем на этой основе развернется вполне конкретное строительство современной армии и флота. Бытовало мнение: поскольку врагов в открытом документе назвать нельзя, то нужно написать закрытый для общества вариант Военной доктрины. И там уже изложить все как есть. Надо сказать, более чем наивная точка зрения. В Военной доктрине можно разве что сформулировать тезис, суть которого проста: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», и сопроводить его развернутым комментарием.

Другой подход (частично вытекающий из первого) к определению необходимого для обороны страны потенциала основывается на анализе соотношения сил (средств) сторон. Скажем, посмотреть, какое оно, это соотношение, на западе, востоке и юге, и после этого с учетом гипотетических угроз пестовать армию и флот. Однако стоит только (даже в самых общих чертах) рассмотреть мощь объединенной Европы или Китая и Японии, как становится совершенно очевидным, что подобный путь откровенно ведет в никуда. Возможности России, чей ВВП не превышает 3 % от мирового, чья доля в наукоемких производствах на планете не более 2 %, невелики. Между тем, если всерьез вознамериться вступить в конфронтацию на всех стратегических направлениях, то одних только дизельных подводных лодок отечественному ВМФ, судя по ряду экспертных оценок, потребуется не менее 400.

Впрочем, в отечественной публицистике и выступлениях некоторых российских политических деятелей постоянно и настойчиво звучат требования создать «компактные, мобильные, современные» Вооруженные Силы и соблюдать при этом «разумную достаточность». Однако что стоит за этими терминами – толком никто не знает. Никакими количественными критериями они не описываются. Применить их как руководство к действию пока никак не удается.

Так что надо исходить из каких-то других критериев. Возможно, даже из элементарных. В частности, в России в конце XIX века при строительстве Военно-морского флота этот критерий звучал достаточно просто: «Быть в Европе третьей по силе морской державой».

Как до самого последнего времени определялись основные параметры Вооруженных Сил нашей страны? Достаточно просто. Например, на властном олимпе называлась «контрольная» цифра – скажем, два или полтора миллиона военнослужащих, и если в армии и на флоте на тот период насчитывалось больше людей по сравнению с установленным политическим руководством лимитом, проводились необходимые сокращения.

Причем осуществлялись они так называемым пропорционально-долевым методом. Смысл этой технологии заключался в том, что численность всех видов ВС и родов войск, главных и центральных управлений Минобороны уменьшалась на один и тот же процент, чтобы никому не было обид-

но. Отсутствие недовольства, свар и брожения в воинских частях и штабах – вот, пожалуй, единственное достоинство этого отечественного ноу-хау.

В результате соотношение между видами ВС и родами войск сегодня у нас примерно такое же, как и 20 лет назад, когда еще не распался Советский Союз. Именно в далеком уже 1989 году начались нескончаемые «усекновения» армии и флота. Вряд ли, наверное, этот процесс завершится и после того, как в рядах защитников Родины останется один миллион человек. Использование же пропорционально- долевого метода при сокращениях привело к тому, что мы имеем почти точную копию несокрушимой и легендарной. То есть говорить о каких-либо приоритетах в плане подготовки военной организации нашего государства к войнам и вооруженным конфликтам обозримого будущего не приходится. Да и отечественная военная мысль забуксовала в прогнозах и сценариях будущих противоборств настолько, что, пожалуй, окончательно остановилась.

Поэтому способ выхода на оптимальную структуру и численность Вооруженных Сил представляется примерно следующим. Совершенно очевидно: Россия намеревается и далее играть одну из ведущих ролей на мировой арене. Но что для этого ей нужно в первую очередь? «Длинные руки» – стратегическая авиация и авианосный флот. В случае иного ответа на данный вопрос российской политической и военной элите надо сразу, окончательно и бесповоротно отка-

заться от употребления словосочетания «великая держава».

В качестве примера попробуем установить, каким должен быть оптимальный боевой и численный состав дальней авиации (ДА). Причем вначале задумаемся: полтора десятка относительно современных стратегических бомбардировщиков (типа Ту-160) для страны, претендующей на место в команде государств-лидеров планеты, – это много или мало? И если вдобавок имеющиеся самолеты предназначены только для выполнения боевых задач в ракетно-ядерной войне (и никакой другой)? А завод, на котором данные стратегические бомбардировщики строятся, сегодня в лучшем случае собирает одну машину за три-четыре года?

Что и говорить, печальная картина. При таком количестве самолетов ДА на войне, где будут использоваться только обычные средства поражения, придется забыть про оперативное искусство ВВС (за ненадобностью) и про такую форму боевого применения, как массированный удар (мало кто знает, что для его нанесения надо задействовать в одном вылете воздушную армию, а не пару-тройку машин).

А сколько вообще стратегических бомбардировщиков требуется стране, считающей себя великой державой? Путем несложных вычислений (в основном на основе опыта вооруженных конфликтов последнего времени) легко прийти к выводу, что минимальным является парк в 140–150 машин. Плюс необходимое число самолетов-заправщиков (у нас лишь несколько таких крылатых танкеров), самолетов

РЭБ (отсутствуют в ВВС России как класс), дальних разведчиков (сокращены под ноль), воздушных пунктов управления и самолетов ДРЛО (в ДА их нет). Не забудем также про вузы, полигоны, аэродромы, рембазу и многое-многое другое.

В итоге получим искомые цифры, которые, кстати, при подобном методе окажутся отнюдь не чрезмерными. Однако если сначала определять численность, а потом под нее подгонять все остальное, то получится, как в басне Михалкова про семь шапок.

Что касается боевого применения ДА в грядущих военных конфликтах, то была бы стратегическая авиация, а уж кого бомбить – всегда найдется.

Все ли получится с постоянной боевой готовностью?

«Все соединения и части необходимо содержать только в категории постоянной готовности», – сегодня это аксиома, не подлежащая сомнениям.

Но, тем не менее, кое-какие вопросы остаются.

В формулировке «все соединения и части необходимо содержать только в категории постоянной готовности» кроется, на мой взгляд, некорректность принципиального характера. Дело в том, что в мирное время выполнить это требование или невозможно, или нецелесообразно.

Поясним это на примере организации технического обеспечения (ТО). Фронтальной комплект соединений и частей ТО включал 2–4 фронтальные ремонтно-восстановительные базы, ФРВБ (в своем составе каждая имела рвп РАВ, рвп БТ-2, рвп АТ, озвакб, орвб связи, орвб ОИТ и многое, многое другое). Уж не знаю, что от них сейчас осталось. Боюсь, рожки да ножки.

Можно, конечно, довести до численности военного времени рвп БТ (ремонтно-восстановительный полк бронетанковой техники). Оснастить его всем необходимым вооружением и военной техникой. Найти и собрать туда чудом сохранившихся слесарей, сварщиков, аккумуляторщиков. Но войны-то нет. А ФРВБ предназначена исключительно для

военного времени. Поврежденная в боях техника отсутствует. Ремонтировать нечего. Занять личный состав решительно нечем. Что делать слесарям и токарям? Только одно – разлагаться, пьянствовать и заниматься бесчинствами по отношению к местному населению.

Или доведем до численности военного времени оэвакб. То есть отдельный эвакуационный батальон. Это тот, который поврежденную технику с полей сражения вытаскивает. Нагоним туда тягачей (очень мощных – и колесных, и гусеничных), кранов, и всего прочего, что предусмотрено штатом. Но вот беда – полей сражений нет. Вытаскивать с них нечего. Остается опять-таки пьянствовать и давить гусеницами на дорогах общего пользования автовладельцев.

Обратимся к соединениям и частям оперативного и стратегического тыла. Содержание в мирное время частей, соединений и учреждений оперативного тыла по штатам военного времени (а это и есть постоянная боевая готовность) нецелесообразно в первую очередь по экономическим причинам. Ни одно государство этого не выдержит. Самое большое, что может себе позволить держава – 10–15 % укомплектованности оперативного тыла. А порой нельзя сделать и этого.

Скажем, есть такая очень важная служба на войне – дорожно-комендантская. И подразделения такие есть (во всяком случае, раньше были) – дорожно-комендантские батальоны, полки и даже бригады (дкбр). Без них организа-

ция жизни в прифронтовой полосе просто немыслима. Они предназначены для подготовки, эксплуатации и технического прикрытия ВАД (военно-автомобильных дорог). В частности, возможности дкбр: содержать ВАД общей протяженностью 900 км, развернуть 31 диспетчерский пункт, 108 постов регулирования, 9 пунктов медицинской помощи и многое, многое другое. Но в мирное время, разверни мы эти батальоны, полки и бригады, задач у них нет. Войны нет, ВАД нет, регулировать нечего.

Или последний пример. Дивизия по охране тыла. Можно призвать этих 11 тыс. мужиков. Только что им делать в мирное время? Ни охранять никого не надо, ни, тем более, погребать. И даже не надо конвоировать военнопленных по причине их отсутствия.

И это всего лишь малая толика примеров, показывающих, насколько сложен процесс военного строительства и сколько много в нем разного рода кирпичиков. А выдерни хоть один – скажем, разгони в тылу трубопроводные бригады и продай с молотка их имущество (а может, и не с молотка, а по-товарищески) – и все, воевать нельзя.

Затруднительно просто перечислить разного рода формирования, без которых невозможно создать группировки сил (средств), способных к боевым действиям (операциям). А содержать их в мирное время в полностью укомплектованном и оснащенном виде невозможно по финансовым и экономическим причинам. Но всерьез и гласно эти проблемы,

почему-то, не обсуждаются.

Все в погонах и значках

То, что у нашей страны свой особый путь и решительно во всем – так кто бы в этом сомневался. Весь мир не в ногу – только мы в ногу. Только мы идем верной дорогой.

Скажем, воинские звания во всем мире присваиваются только представителям вооруженных сил. И никому больше. Только в армиях и на флотах всех стран мира носят форму одежды, присущую только вооруженным силам. И никто и нигде в мире больше не обладает формой и знаками различия, заимствованными у вооруженных сил. Никто и нигде.

И только на одной седьмой части света – в пределах отечества нашего – можно встретить генерала-пожарного. Следователя с погонями генерал-лейтенанта. Начальника тюрьмы с погонями подполковника. Полиционера-милиционера с погонями майора. Военного дирижера с генеральскими лампасами. А уж сколько генералов засело в МЧС – то будет отдельная песня. Вот, интересно, зачем прокурорским работникам погоны военных? Какая-токая необходимость в воинских званиях в Службе внешней разведки? Им вполне было бы достаточно следующих градаций – разведчик, старший разведчик, начальник. Зачем воинские звания в охране? В разного рода спецслужбах?

Возникает вопрос – что делать? С одной стороны, хорошо бы все ведомства, которые позаимствовали у Вооруженных

Сил военную форму одежды и знаки различия, распогонить. Однако вряд ли из этой затеи что-нибудь получится. Для начала надо, чтобы этой идеей озаботился как минимум глава государства. Но вряд ли он на сегодня будет считать эту задачу среди первоочередных. Если разного рода инициативы будут исходить из Минобороны, то подобная активность может привести к тому, что распогонят само военное ведомство. Прокурорам, полицейонерам и чекистам погоны оставят, а с военных знаки различия могут содрать. Потому как они окажутся с такими идеями в явном меньшинстве. И победителями в борьбе за погоны явно не будут.

Выход тут может быть только такой – надо самому военному ведомству перейти на новую систему воинских званий и новых знаков различия. У военных все должно быть по-другому и по-новому. Скажем, звания – подпоручик, поручик, штабс-капитан. И если встретил с момента введения в армии и на флоте новой формы одежды и новых знаков различия на улицах человека с погонами сегодняшнего полковника – сразу ясно, что это не военный, а начальник тюрьмы или пограничник. И генералы с лампасами с того времени – только в пожарниках или «говорящие головы» Следственного комитета.

Другого выхода, похоже, нет. По определению не может быть престижен мундир, если он одинаков у командира полка и у тюремщика.

Военно-терминологические игры

Упражнения в словесности подобного рода далеко не всегда оправданны и тем более безобидны. На эту тему говорилось уже не раз (и лично мной в том числе). Но ситуация к лучшему меняется мало. Поэтому, наверное, есть смысл вновь обратиться к этой проблеме (и даже озвучить в очередной раз прежние наработки).

Суть дела заключается в следующем. По-прежнему на всех уровнях управления модным становится вставлять в документы и разговорную речь отдельные слова и термины, заимствованные из военной стратегии, оперативного искусства да и военной науки в целом. Причем делается этого исключительно механически. Смысл же терминов, похоже, никого не интересует.

В частности, в случае возникновения любой нештатной ситуации в Российской Федерации (террор, стихийные бедствия, техногенные катастрофы и пр.) населению страны (или региона) тут же сообщается – создан оперативный штаб. Вот три свежих сообщения: «В связи с прохождением циклона, принесшего обильные осадки, в 12 районах Приморья действует режим ЧС. В городах и районах края созданы оперативные штабы», «Сегодня создан оперативный штаб для координации действий органов власти в условиях ЧС», «Создан оперативный штаб по борьбе с африканской

чумой свиней», «Пожарные и спасатели на сочинской Олимпиаде будут работать под контролем создаваемых оперативных штабов и соответствующих оперативных групп».

Упомянутые выше случаи явственно демонстрируют – чрезвычайный орган управления создается в современной России практически в любой ситуации и, видимо, должен (по замыслам авторов) служить панацеей от всех бед. Попробуем разобраться с термином «оперативный штаб». На практике он далеко не так безобиден, как ставший уже легендарным слоган «в эпицентре событий».

Штабное «масляное масло»

Для начала отметим – штаб не может быть дополнительно назван оперативным. Он и без того согласно стройной военной теории основной орган управления войсками в боевой обстановке и руководства их обучением в повседневной деятельности. Как известно, одними из главных принципов управления являются непрерывность, оперативное и гибкое реагирование на изменение обстановки. Поэтому называть штаб (как орган управления) оперативным – ну просто вопиющая как общая, так и военная безграмотность.

Рассмотрим для примера самый большой штаб нашей страны – Генеральный. Это основной орган оперативного управления Вооруженными Силами Российской Федерации. Здесь слово «оперативный» находится исключительно на своем месте. И в самом деле – разве применимы к тер-

мину «управление» прилагательные «медлительное» или же «неторопливое». Управление не может быть другим – только оперативным.

Теперь разберемся со штатной структурой штаба. Как правило, любой штаб жестко структурирован по отделам (управлениям) и службам. В частности, там обязательно присутствуют разведывательный, оперативный, организационно-мобилизационный отделы, служба военных сообщений, оперативное оборудование ТВД, шифровальщики (в разных штабах они могут называться иначе, некоторые отделы в мелких штабах отсутствуют, но суть дела от этого не меняется).

У всех штабных департаментов есть свои функции, а у офицеров, их возглавляющих (равно как и у оперативного состава), десятилетиями отшлифованные обязанности (кто за что отвечает и что обязан делать). Причем до определенной степени обязанности носят интернациональный характер. Скажем, разведчики или служба военных сообщений в Африке выполняют те же функции, что и в Новой Зеландии.

Непонятно одно – каким образом эти отделы и службы можно применять в борьбе со стихийными бедствиями и наводнениями, в частности. Если же они в так называемом оперативном штабе отсутствуют, то это тогда уже вовсе и не штаб. А если у властей все-таки есть намерение создавать чрезвычайные органы по борьбе с наводнениями или нашествиями саранчи, то их в этом случае совсем не обязательно

называть военным словом «штаб».

Есть масса других, более подходящих и соответствующих обстановке понятий – «комиссия», «комитет», «комиссариат», наконец. Конечно, понятно, что короткое военное «штаб» звучит более весомо, убедительно и даже приятно на слух, но что тогда при борьбе с саранчой за этим термином стоит?

В этой связи непонятен и еще один нюанс – когда в России по любому поводу создаются оперативные штабы, возникает вполне естественный вопрос: кто в каждом конкретном случае разрабатывает обязанности для вновь срочно собираемых «штабных» работников и кто их утверждает? Да и вообще надо разобраться – руководствуются ли какими-либо обязанностями наспех собранные люди в оперативных штабах? Ведь их созывают каждый раз в связи с новыми обстоятельствами. Складывается впечатление, что мобилизованные в штаб работники исполняют обязанности по наитию, по совести или же как Бог на душу положит.

Функции штаба любого уровня достаточно объемны. Но в первую очередь он занимается оценкой обстановки и подготовкой предложений для принятия решения командиром (командующим). Затем всю свою дальнейшую энергию штаб направляет на претворение принятого в жизнь.

И тут возникает следующая группа вопросов. Если формируется какой-либо штаб, в этом случае должен быть как минимум назначен его начальник. Органа оперативно-

го управления без руководителя не бывает. А если назначен начальник штаба, должен существовать и тот командир (командующий), для которого готовит соответствующие предложения начальник штаба.

Теперь попробуйте среди десятков тысяч сообщений о создании по стране оперативных штабов доискаться, кто в каждом конкретном случае, в той или иной кризисной ситуации исполнял обязанности начальника штаба, а кто был соответствующим командиром (командующим, начальником). Сразу скажем – вряд ли из этого что получится. На практике оперативный штаб существует, но упоминания о первых двух лицах – командире и начальнике штаба – не найти практически нигде. Складывается впечатление, что создание оперативных штабов – чрезвычайно удобный способ уйти от персональной ответственности, спрятать концы в воду.

Один из самых ярких этому примеров – теракт в Беслане в уже далеком 2004 году. Так называемый оперативный штаб был создан практически сразу после захвата заложников. Однако нигде до сих пор не упомянут начальник этого органа управления. Самые тщательные попытки отыскать это должностное лицо окажутся безрезультатными. Тем более непонятно, кто был в Беслане «командиром». Его отыскать еще труднее. Для кого готовил предложения оперативный штаб и чью волю он воплощал в жизнь на практике, до сих пор неясно.

Складывается впечатление, что штаб в Беслане в 2004 го-

ду существовал сам по себе. Наконец, любой штаб в немалой степени строит свою работу на основе решений вышестоящего начальника. Доискаться же, какие указания отдавал оперативному штабу в Беслане вышестоящий начальник, и вовсе сегодня не представляется возможным.

Еще одно немаловажное обстоятельство. Штаб не может существовать без соответствующего пункта управления (командного пункта), оснащенного соответствующей связью и средствами автоматизации. В противном случае он не является штабом и не может выполнять свои функции. Если обратить внимание на места, где собираются так называемые оперативные штабы (это касается всей страны), то сразу становится очевидным – это не органы управления. У многих из них, как правило, нет ни современной связи, ни средств отображения обстановки, ни даже приличного помещения.

Помимо всего прочего, в практику окончательно вошло еще одно далекое от здравого смысла, управленческой науки и элементарной штабной культуры понятие «представитель оперативного штаба». В штабе любой армии мира нет такой штатно-должностной категории – «представитель». Если же он все-таки только «представитель», то, естественно, не может владеть обстановкой в полном объеме и не знает, чем занимаются те или иные управления, отделы, службы штаба. На практике, как правило, так и происходит – стоит случайный человек перед телекамерами и мучается от полного незнания происходящего.

Расписка в собственном бессилии

Похоже, сегодня нет ясного ответа на вопрос, отдают ли себе соответствующие руководители отчет в том, что создание внештатных и чрезвычайных органов управления, подобных оперативным штабам, показывает: существующая система управления мало на что годится. Да и в самом деле: стихийное бедствие – оперативный штаб, птичий грипп (чума свиней) – оперативный штаб, захват заложников – оперативный штаб, крупный пожар – оперативный штаб, техногенная катастрофа – оперативный штаб.

А где же в этих случаях находятся штатные органы управления страной и силовыми структурами? Они что, в подобных ситуациях абсолютно беспомощны, если постоянно приходится прибегать к уже ставшей привычной для современной России чрезвычайщине?

Тут есть и еще один аспект. Что такое оперативный штаб по своей сути? Это самая натуральная импровизация. Как известно, любые органы управления для своей нормальной жизнедеятельности требуют элементарного слаживания. Хуже всего со своей работой справляются вновь созданные или импровизированные органы управления – это многократно доказанный наукой управления факт. Любой штаб после его формирования как орган управления еще некоторое время остается неработоспособным организмом. Его «шестеренки» на первых этапах существования вращаются за-

частую вхолостую – происходит элементарное знакомство должностных лиц, притирка друг к другу отделов и служб, налаживаются взаимодействие и связь. Тут, кроме всего прочего, надо даже учитывать национальный менталитет – россияне очень плохо подчиняются малознакомым людям и на практике много делают для того, чтобы спустить их указания, что называется, на тормозах. Бросать в бой подобный еще не окрепший орган управления – преступление. Он не сможет оказать командиру помощь в управлении войсками и руководстве сражением. А ведь от подготовленности и слаженности штаба во многом зависит успех операции – и это аксиома.

У нас же на практике происходит что-то совершенно невероятное с точки зрения элементарных законов и правил управления. В любой чрезвычайной обстановке спешно, с бору да с сосенки, мобилизацией кого попало создается оперативный штаб. В возникшей кризисной ситуации, когда счет идет буквально на секунды, надо без малейшего промедления решать множество важнейших вопросов, скажем, по организации освобождения жертв террористов. Однако зачастую большинство рекрутированных в штаб сотрудников даже не знают друг друга в лицо. Плюс постоянно идет выяснение отношений между различными ведомствами и структурами: которая из них круче (да и без выяснения отношений порой указать, кто кому и по каким вопросам подчиняется, у нас в спешке просто забывают).

Как известно, любая ситуация становится более понятной, если ее характеристики и размерения увеличить до гигантских масштабов (или же довести до гротеска). Представим себе на минуту: после 22 июня 1941 года в газете «Правда» и сообщениях Совинформбюро населению было бы доведено, что для руководства обороной страны создан оперативный штаб. При этом не названы ни командующий, ни начальник, ни работники самого штаба. То есть тем самым была бы размыта персональная ответственность соответствующих должностных лиц за отражение германской агрессии.

Руководство страны между тем отдавало себе отчет, что для управления страной и армией в сложившейся обстановке действительно требуется орган, наделенный чрезвычайными полномочиями. И такая структура – Государственный Комитет Обороны – была создана всего через неделю военных действий. Причем сразу же персонализирован кадровый состав этого чрезвычайного высшего органа СССР, в котором сосредоточили всю полноту государственной власти. Председатель ГКО – Сталин, заместитель – Молотов, члены – Маленков, Ворошилов, Берия. Иными словами, народу и армии стало ясно, кто несет полную и единоличную ответственность за ход и исход войны. И никаких оперативных штабов, где концов найти нельзя, в течение всей войны не появлялось (и словосочетания-то такого никто тогда не знал). Результат – 9 мая 1945 года.

В современных условиях следует признать, что создание

по любому поводу импровизированных чрезвычайных органов – своеобразная расписка в неэффективности существующей системы управления.

В случае появления очередного сообщения о создании нового оперативного штаба есть все основания полагать: в ход вновь пущено средство коллективной безответственности и на практике (вольно или невольно, осознанно или неосознанно) многое делается для того, чтобы пустить любое дело под откос. И ответственных практически никогда нет.

Хватит уже, наверное, этой чрезвычайщиной заниматься и бесконечным формированием очередных оперативных штабов.

И в заключение. Освещение подобных проблем, есть все основания полагать, надо продолжить.

Генеральское мужество

Оно заключается в том, чтобы иметь свою точку зрения по оперативным вопросам и уметь отстаивать ее в допустимых пределах перед политиками.

Великий русский полководец Александр Суворов в своих сочинениях писал: «Рядовому – храбрость, офицеру – неустрашимость, генералу – мужество». Есть и иной вариант этой цитаты: «Для солдата – отважность, для офицера – храбрость, для генерала – мужество». Наконец, есть и третья версия знаменитого высказывания военачальника: «Солдату – бодрость, офицеру – храбрость, генералу – мужество». Обратим внимание, что генеральский удел во всех трех версиях остается неизменным. Попробуем разобраться, что же это такое – мужество высшего офицера.

Каких-либо серьезных исследований этого вопроса, тем более со множеством исторических примеров и рекомендаций, в отечественной военной литературе попросту нет. В качестве немногочисленных образцов приводится разве что мифический спор Георгия Жукова со Сталиным в августе 1941-го по поводу оставления Киева (а было ли это на самом деле – очень большой вопрос) и отстаивание Константином Рокоссовским собственного варианта проведения Белорусской стратегической наступательной операции в 1944 году. Вот, пожалуй, и все. Скажем так – откровенно негусто.

Точка зрения Виктора Суворова

Приведем отрывок из книги Виктора Суворова «Очищение» (с незначительными сокращениями), в котором автор дает свое понимание генеральского мужества:

«Сразу после войны немецкие генералы завалили книжный рынок мемуарами. В конце 50-х годов эти мемуары волной хлынули и в нашу страну: Вестфаль, Блюментрит, Цейтцлер, Циммерман, Мантейфель, Гудериан, Гот, Рендулич, Типельскирх, Кессельринг, Шнейдер, Меллентин.

Признаюсь: мемуары немецких генералов мне нравились куда больше, чем мемуары советских. Советский генерал вспоминал о том, как последней гранатой рядовой Иванов подорвал немецкий танк, как последним снарядом сержант Петров уничтожил атакующих гитлеровцев, как под шквальным огнем политрук Сидоров поднял бойцов в атаку, как лейтенант Семенов направил свой горящий самолет на скопление танков... И рассказывали наши генералы о том, что говорил, умирая, рядовой Иванов: он просился в партию. И сержант Петров тоже просился. И все другие.

А у немцев никто почему-то подвигов не совершал, героизма не проявлял. В их мемуарах нет места подвигам. Для них война – работа. И они описывали войну с точки зрения профессионалов: у меня столько сил, у противника предположительно столько... Моя задача такая-то... Выполнению задачи препятствуют такие-то факторы, а сопутствуют и об-

легчают ее такие-то. В данной ситуации могло быть три решения, я выбрал второе... По такой-то причине. Вот что из этого получилось.

Мемуары немецких генералов – это вроде бы набор увлекательных поучительных головоломок. Каждый писал на свой лад, но все – интересно.

А мемуары наших генералов вроде бы писались одной и той же группой главпуровских машинисток, которые только переставляли номера дивизий и полков, названия мест и имена героев. У нашего солдата почему-то всегда не хватало патронов, снарядов, гранат, и все генеральские мемуары – про то, как наши ребята бросаются на танк с топором, сбивают самолет из винтовки и прокалывают вилами бензобак бронетранспортера. Все у нас как бы сводилось к рукопашной схватке, к мордобою, вроде и нет никакого военного искусства, никакой тактики.

У нас в мемуарах – школа мужества. У немцев – школа мышления.

Скоро, однако, возникло сомнение: уж очень все они умные, господа германские генералы, а Гитлер в их описаниях – полный идиот. Коль так, как же эти умные люди позволили идиоту собой командовать?

Впервые эта мысль мне в голову пришла, когда читал генерал-полковника Курта Цейтцлера. Он был начальником Генштаба во время Сталинградской битвы. Гитлера он описывает как полного кретина: «Первая часть моего доклада была

изложена в форме, доступной для человека, не сведущего в военных вопросах» («Роковые решения». – М., Воениздат. – 1958. – Стр. 159). Начальник Генштаба составлял доклады для своего Верховного главнокомандующего как для человека с улицы, который не знает разницы между корпусом и бригадой. Проще говоря, генерал-полковник Цейтцлер составлял доклады для Гитлера, как для идиотика. Чтобы понятно было... Далее Цейтцлер на многих страницах описывает свои гениальные решения (действительно интересные) и реакцию на них тупого, упрямого ефрейтора.

Вот тут-то и подумалось: а ведь у вас, герр Цейтцлер, был выход. В таких случаях начальник Генштаба должен сказать своему любимому вождю или фюреру: воюйте, как вам нравится, но я за все это ответственности перед моей страной и историей не несу. Увольте, батенька. Пошлите на любую должность, хоть на корпус, хоть на дивизию, а то и расстреляйте, если нравится, но за свою глупость извольте сами отвечать.

Так нет же. Не сказал так мудрый Цейтцлер. И другие генералы помалкивали. Потому за всю гитлеровскую дурь все они несут полную ответственность...

...Я люблю Гудериана. Его книги всю жизнь со мной. Умный был мужик. Но кроме ума, генералу нужны характер, воля и храбрость. Мемуары всех германских генералов пронизаны идеей: Гитлер был дураком и заставлял нас выполнять дурные приказы. Было именно так. Но только тот ге-

нерал становится великим и непобедимым, который дурных приказов не выполняет. Храбрость солдата в том, чтобы идти на вражьи штыки, чтобы выполнять приказ, который ему отдан. А храбрость генерала в том, чтобы думать головой и выполнять только те приказы, которые ведут к победе.

Как часто генералы, политики, историки Запада бахвалятся: у нас думающий солдат! А у вас Ванька-дурак, он думать не обучен.

У вас, господа, думающий солдат? Это великолепно. А у нас думающие генералы, они к тому же и храбрые. Им хватало смелости иметь свое мнение и его отстаивать. Германский генерал выполнял любой приказ. И это отнюдь не сила. Это слабость. А наши генералы любого приказа не выполняют. Вот это сила!

Если генерал имеет гениальную голову, но выполняет идиотские приказы фюрера, который ведет страну к катастрофе, то грош цена той гениальной голове. Что от нее толку? Такая голова годится только на то, чтобы после войны написать великолепные мемуары. А на войне от той головы проку нет. Если генерал выполняет глупые приказы, значит, он не генерал, значит, он просто солдафон.

...Самое страшное для правителя – оказаться в ситуации, когда все вокруг поддакивают, когда все соглашаются с любыми решениями правителя и восхваляют их. Любой самый умный человек в этой ситуации теряет ориентировку, любой мудрец теряет способность замечать свои ошибки. Потому

повторяет их и умножает.

Именно в этот тупик привела Гитлера его кадровая политика.

...Всегда, и в начале войны, роковым летом и трагической осенью 1941 года, и в ее победном конце, в Красной армии находились генералы, которые имели голову на плечах и достаточно мужества в сердце, чтобы отстаивать свою точку зрения даже перед Сталиным.

У Гитлера были генералы очень высокого выбора, но таких генералов, как у Сталина, у Гитлера не было ни в начале, ни в конце войны. Ни одного.

Германия проиграла потому, что сталинские генералы по уровню подготовки стояли неизмеримо выше, чем гитлеровские генералы. Мужество – одна из основных составляющих этого уровня».

Другая точка зрения

Обратим внимание на следующее место из книги Виктора Суворова:

«Но генерал только тот становится великим и непобедимым, кто дурных приказов не выполняет. Храбрость солдата в том, чтобы идти на вражьи штыки, чтобы выполнять приказ, который ему отдан. А храбрость генерала в том, чтобы думать головой и выполнять только те приказы, которые ведут к победе».

Красиво и ярко сказано. Но вот какая штука получается.

Армия, в которой не выполняются приказы вышестоящих начальников, – это уже не армия, а толпа вооруженных людей. В вооруженных силах должно культивироваться только одно: приказ должен быть выполнен точно, беспрекословно и в срок. Любой. И любой ценой. Командир и командующий не должны размышлять – правильный приказ, не правильный, преступный, не преступный, логичный либо лишенный смысла и логики, находится он за пределами возможностей частей (соединений, объединений) или не находится, отвечает ли он сложившейся обстановке или не отвечает.

Он должен быть выполнен – и точка. И никаких, абсолютно никаких других вариантов. И это должно быть в уважающей себя армии вбито на уровне спинного мозга и рефлексов. С первых же дней службы.

Так в чем же тогда заключается генеральское мужество, которое более других качеств необходимо высшему офицерскому составу? Позволю себе привести всего два современных примера.

В конце ноября 1994 года от руководства страны Вооруженным Силам поступило указание в течение одной ночи подготовить предложения по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике. Затем состоялось знаменитое совещание, на котором министр обороны генерал Павел Грачев вынужден был согласиться со столь поспешными планами Бориса Ельцина по усмирению Чечни. Согласие генерала, заметим, даже на протокольной съемке

прозвучало далеко не сразу.

Видно было, как военачальник мучился с ответом перед камерой. Грачева, кстати, не стоит изображать недалеким человеком. Он таковым не был (отменно проплаченная травля военачальника в некоторых газетах – вопрос, требующий отдельного исследования). Состояние Вооруженных Сил России на конец ноября 1994 года Павлу Грачеву было отлично известно. И генерал хорошо понимал, что политическое руководство ставит перед армией нереальные задачи.

Но необходимого по Александру Суворову (не по Виктору) мужества в себе, чтобы заявить главе государства: «Товарищ Верховный главнокомандующий, в сложившейся обстановке войска не готовы к выполнению поставленных вами оперативных и боевых задач. Прошу полтора месяца на подготовку и боевое слаживание частей и соединений», он так и не нашел.

В дальнейшем, к сожалению, произошло то, что произошло. Но этот случай в военных академиях не разбирается, и тем более с альтернативными вариантами решения тех проблем (типа: «А что было бы, если...»).

К слову, Борису Ельцину в те времена вообще мало кто возражал. Во время представления тогдашнему президенту страны военачальников по поводу присвоения очередных воинских званий у них, по свидетельствам очевидцев, от напряжения трещали шейные позвонки, и в воздухе пахло отнюдь не французскими духами.

А вот редкий пример другого рода из сравнительно недавней войны «восьмого-восьмого-восьмого». Когда началась грузинская провокация, политическое руководство страны находилось далеко за пределами государства. Министр обороны Анатолий Сердюков был неизвестно где (и до сих пор местопребывание главы военного ведомства точно не установлено). Никаких сигналов он о себе в тот момент не подавал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.